

18. Le Petit Larousse illustré. – Larousse, 1995.
19. Larousse Dictionnaire de la langue française. Lexis. – Larousse, 1994.
20. Dictionnaire de la langue française. – Editions de la Connaissance, 1995.
21. Dictionnaire du français langue étrangère Larousse. – Librairie Larousse, 1987.
22. Le Robert Dictionnaire des synonymes. – Dictionnaires Le Robert, Paris, 1989.

И.В.Бойчук (г. Белгород)

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА *СОВЕСТЬ* В АНГЛИЙСКОЙ, РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Проведенные нами сравнение дефиниций и анализ материала, почерпнутого из художественной литературы и фразеологических словарей, позволяют сделать следующие выводы.

(1) Во всех трех рассматриваемых языках суть *совести* может быть сведена к «(внутреннему) сознанию добра и зла», “sense of right and wrong”, “le sense du bien et du mal”, все остальное – производные от этой сердцевины. Подтверждением этого заключения может считаться то, что в качестве первого и основного синонима *conscience* синонимический словарь Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [1] предлагает именно sense of right and wrong. Видимо, это базовое определение *совести* универсально для европейских языков (ср., например, исп. **Conciencia** Conocimiento interior del bien que debemos hacer y del mal que debemos evitar /Diccionario ilustrado de la lengua española Aristos [2]/). Вероятно, это определение является наиболее традиционным, наиболее близким именно христианской традиции.

Во всех трех лингвокультурах *совесть* – благо. Она заставляет совершать добрые дела и воздерживаться от дурных: “Why he should take so much trouble about his old aunt, she really did not know. Conscience, perhaps; family feeling?”(A. Christie), “I had a guilty conscience and could not sleep”[3]. Чистая *совесть* – залог душевного покоя и эмоционального комфорта: a good conscience is a continual feast, a good conscience is a soft pillow – “чистая совесть душу веселит”. Русские толковые словари, составленные в годы социализма, в отличие от словаря В.Даля, формулировку «внутреннее сознание добра и зла» не приводят, настаивая на «чувстве нравственной ответственности» причем не обязательно только перед собой, но и «перед людьми, обществом». «Школьный словарь русского языка» [4] вообще не упоминает ответственности перед собой, говоря лишь об «ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». Является ли это выражением свойственной, по мнению Н.А.Бердяева, склонности русского народа к коллективизму, стремления русского человека раствориться в коллективе, последствием длительного существования подавляющего большинства населения России в условиях крестьянской общины – «мира» и, как следствие, некоторого неприятия русской ментальностью индивидуализма [5] или определенной идеологизацией толкования? Так или иначе, но не вызывает сомнений, что концепт *совесть* в русской лингвокультуре в течение определенного времени испытывал довольно мощное влияние официальной идеологии.

По мнению Т.Д.Радбиля, в русском языковом менталитете *совесть* и *стыд* противопоставлены в рамках противопоставления внутреннего и внешнего. «Совесть – это моральный регулятор всей внутренней жизни человека и вектор ее действия – внутрь человека...», а «Стыд ориентирован наружу» [6]. Мы считаем, что как в английской, так и во французской лингвокультурах векторы действия стыда и совести аналогичны.

(2) В русском языковом менталитете концепт *совесть* более эмоционален, менее рационален, возможно, более народен, патриархален, чем в носящей отпечаток картезианства французской лингвокультуре (как известно, Р.Декарт уделял большое внимание вопросам *совести*), или прагматически ориентированной англосаксонской лингвокультуре. Во всех трех лингвокультурах *совесть* – это комбинация *чувства* и *знания*, которое присутствует в концепте уже хотя бы в силу своего происхождения от греческого слова, содержащего этот компонент, но если в англосаксонской и во французской лингвокультурах, как нам представляется, явно преобладает компонент *знание*, в русской лингвокультуре на первом месте компонент *чувство*. Для носителей французского и, в меньшей мере, английского языка даже этимологическая связь *совести* со *знанием* более прозрачна, чем для носителей русского языка: “Je leur en voulais de manifester naïvement les misérables mobiles qui étaient aussi les miens, et dont ils m’obligeaient à prendre conscience”. (F.Mauriac). Возможно, это обстоятельство также играет определенную роль. В пользу наличия значительных эмоциональных коннотаций *совести* в русском языковом менталитете могут свидетельствовать едва ли возможные в англосаксонской или французской лингвокультурах примеры: «Эх ты, совесть!- выговорила Фиона, качая головою» (Н.С.Лесков), во французском или англосаксонском языковых менталитетах в подобной ситуации речь, скорее, шла бы о *стыде*-“la honte” или “shame”. Реальное или предполагаемое отсутствие *совести* может служить основанием для высказываемых в глаза упреков: «Бессовестные! Право, бессовестные! - заговорил сзади их голос тихо вошедшей Мавры Кузминишны» (Л.Н.Толстой) (ср. перевод на английский: “Impudence! Impudence! They heard behind them the voice of Mavra Kuzminichna who had entered silently.” т.е. перевод при помощи *conscience* сочли не идиоматичным, хотя один из вариантов перевода гоголевского « Приказные такие бессовестные!» “...and lawyers are so devoid of conscience”), или распространенные в разговорном языке выражения «совесть надо иметь», «имейте совесть», устаревающее «надо совесть знать».

(3) В русской лингвокультуре концепт *совесть* более целостен, монолитен в отличие от *conscience* в англосаксонской и французской лингвокультурах, где ключевое слово распадается во французском языке как минимум на *conscience morale* и *conscience psychologique* (ср., например, перевод *conscience* в словаре В.Г.Гака, К.А.Ганшиной [6] – (1)совесть; (2)сознание; (3)сознательность, добросовестность, сознание; (4)верования, убеждения), а в английском – на собственно *совесть* и на *сознание*, здесь также существуют еще другие подразделения, что в какой-то степени лишает границы концепта четкости. Перевод *conscience* в Новом Большом англо-русском

словаре под рук. Ю.Д.Апресяна, Э.М.Медниковой [7] – (1) совесть; (2) сознание. Но если мы сравним этот перевод с дефинициями из Oxford Advanced Learner's Dictionary, то обнаружится, что русскому *совесть* соответствуют 1 the part of your mind that tells you whether your actions are right or wrong и 2 a feeling of guilt about sth you have done or failed to do. При сравнении с дефинициями из словаря Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners [8] также выявляется диспропорция. Если перевести эти дефиниции на русский язык, получим: (1) Ваша совесть – это часть вашего ума, которая говорит правильно или неправильно вы поступаете, (2) Совесть – это осуществление того, что вы считаете правильным, даже если это может быть непопулярным, трудным или опасным. – (3) Совесть это чувство вины от того, что вы знаете, что сделали что-то неправильно. Мы видим, что *совесть* для английского языкового менталитета является частью ума (mind). Как пишет Т.Б. Радбиль “ Если в русском языковом менталитете *телу* противопоставлена *душа*, то в англосаксонской культуре *телу* противопоставлено сознание, т.е. *mind* “ [6,252]. Кроме того, в отличие, например, от английского языка, в русском языке крайне мало синонимов *совести*. Так, вышеупомянутый английский словарь приводит девять синонимов *conscience*, а «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой [9] – ни одного синонима слова *совесть*. Английский и французский концепты *conscience* включают понятия *сознательность* и *добросовестность*, в русском языке существующие если и в определенной связи с *совестью*, то все же отдельно.

(4) Если в русском языковом менталитете наиболее тесная связь у *совести* со *стыдом*, который, в сущности, является как бы близнецом *совести*, иногда даже может выступать ее синонимом (см., например обращение кухарки к Шарикю в «Собачем сердце» «Бессовестный!»), в ситуации, когда речь должна идти, скорее, о *стыде*) самое существование *совести* без *стыда* мыслится невозможным, то во французской, и, особенно, в англосаксонской лингвокультурах *совесть* более тесно связана с *виной*: guilty conscience, a guilty conscience is a self-accuser, charger sa conscience d'une faute. В дефинициях *conscience* из английских словарей часто присутствуют to feel guilt, feeling of guilt. В Vanity Fair находим: “A feeling of shame and remorse took possession of William Dobbin as the broken old man so received and addressed him, as if he himself had been somehow guilty of the misfortunes which had brought Sedley so low” (W. Thackeray). В нижеприведенном отрывке *a twinge of guilt* практически является эквивалентом remorse – угрызений совести: “Oh, her mother was good, she worshipped her grandchild, but sometimes Kate felt a twinge of guilt at the amount of time she herself spent away from Lizzy” (A. Christie). Можно предположить, что в русской лингвокультуре *совесть* более ориентирована в сторону внешнего мира, больше принимает его в расчет, чем во французской, и, особенно, англосаксонской культуре. Эта особенность может объясняться ориентированностью русского менталитета на общину, на «мир». Это находит подтверждение в следующем примере: “There is no question of defence. I have always acted in accordance with the dictates of my conscience. I have nothing with which to reproach myself.”—There was an unsatisfied feeling in the air. But Emily

Brent was not one to be swayed by the public opinion. She sat unyielding.”(A. Christie). Итак, в составе русского концепта *совесть* более выражен компонент *стыд*, нежели *вина*, во французском и. в еще большей степени, английском концептах *conscience* преобладает, скорее, компонент *вина* (guilt, франц. *faute*). В английском концепте эта *вина* порой содержит даже некоторый юридический оттенок *guilty conscience*, а *guilty conscience is a self-accuser*. Это не значит, разумеется, что связь между *совестью* и *виной* в русском языковом менталитете отсутствует совершенно: «...перелагая свою вину на совесть вышеуказанного психически больного Груздева.» (В.Я.Шишков).

(5) Во всех трех языках *совесть* порой приобретает свойства живого существа, происходит ее анимизация: *come to terms with one's conscience*, *пойти на сделку с совестью*, во всех трех лингвокультурах идет речь о *голосе совести*, подсказывающем правильное, с точки зрения морали, решение: «Совесть часто его в том упрекала и внутренний голос говорил ему: «Алеша, не гордись!...» - “His conscience often reproached him with this, and a voice inside him said:” “Do not be proud, Alyosha!---”, «...но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести...» - “---but, unfortunately, the conceit in him was so strong that it drowned the voice of conscience---”(А. Погорельский), *the voice of conscience, to wrestle with one's conscience, conscience dictates, “La conscience morale est définie comme une voix, elle nous parle”(Wikip.)*, “...and you wish somebody else had to settle what 's to be done with me, without disturbing your sensitive conscience”(E.L.Voynich), “Then her conscience reproached her...”(Mark Twain). Но в русской лингвокультуре эта внутренняя метафоричность значительно более выражена: «У него совесть в рукавичках ходит», «Совесть без зубов, а загрызет», «Добрая совесть не боится клевет», «Заскорюзлой совести не проймешь», «У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась», «Черной совести и кочерга виселицей кажется», «Совесть спать не дает», «Добрая совесть любит обличение», «и опять совесть Раскольникова мечется между двумя дамами. Как между двумя Миколками» [11,109], «Я недорого прошу с вас, поверьте совести, недорого» (В.Я.Шишков), «совесть заговаривает (заговорила)», «совесть мучит (замучила)». Довольно часто в русской лингвокультуре *совесть* лишена анимизма в контексте осуждения, отрицательной оценки: «Бородка Минина, да совесть глиняна», «У него совесть – дырявое решето», «Чужая совесть – могила», «У него совесть – что розвальни: садись, да катись», то есть положительно оцениваемая *совесть* в русской языковой картине мира скорее нечто живое, одушевленное, отрицательно оцениваемая *совесть* часто неодушевлена, мертва. В пословице «У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась» *совесть*, подобно живому существу, «погибает», лишается своего анимизма и наделяется отрицательной оценкой. Примечательно, что во французской лингвокультуре отрицательно оцениваемая *совесть* также деанимизируется: *avoir la conscience élastique*. Возможно, свойственный всем трем рассматриваемым языковым менталитетам анимизм концепта *совесть* идет еще из времен хаотического конкретизма (по Н.А.Рожкову [12]), и в наибольшей степени выражен в русской лингвокультуре в силу более прочных и длительных анимистических воззрений древних славян.

(6) Во всех трех лингвокультурах прослеживается тесная связь концепта *совесть* с христианским вероучением. Видимо, в русском менталитете последних десятилетий *совесть* и религия связаны менее непосредственно, чем в англосаксонском и во французском, несмотря на то, что *совесть* в русской лингвокультуре, безусловно, принадлежит миру «горнему». Кроме того, в концепте *совесть* в русской языковой картине мира усматривается определенный элемент язычества, так как *совесть* нередко выступает как нечто, требующее жертвоприношения. Нельзя исключить связи этого явления с тем фактом, что уровень христианизации русских мещан и селян, то есть подавляющего большинства населения России, был формально-обрядовым [13]. «Опора властей на религию как на социально-нормативный источник регулирования общественных отношений сформировала особый тип массового православия: формального, невежественного, часто полуязыческого – «православия без христианства», как метко назвал его Н.Бердяев» [13,336-337]. Очевидно, не способствовали христианизации концепта *совесть* и десятилетия официального атеизма, нельзя исключить, что в этот период имела место определенная дехристианизация этого концепта. Вместе с тем в русском менталитете вплоть до начала XX *совесть* считалась атрибутом всякого христианина, ср., например, у В.Д.Даля «...только слава, что подрядчик, а христианской души в нем нет.», где отсутствие «христианской души» практически эквивалентно отсутствию *совести*.

В англосаксонской и французской лингвокультурах концепт *совесть* связан с христианским вероучением более эксплицитно. Ср., например, "I must work my sin off my conscience.---Let me spend the rest of my life repenting in a cell. I shall have my reward above"(B. Shaw). *Совесть* в англосаксонской культуре более тесно ассоциируется не только с *виной* (guilt), но и с *грехом* (sin). Анализ фактического материала показывает, что такая связь существует и в русской лингвокультуре: «Лестница,...как бы показывала Раскольникову, что ему предстоит сейчас спуститься в самого себя, сойти в глубь своей несчастной, отравленной грехом совести...», «Дама в трауре – частица несчастной совести тяжко согрешившего Раскольникова...» [11, 59,109], «Да, на моей совести большой грех.» (М.А.Булгаков). В поле концепта *совесть* в английском языке входит помимо remorse ("the gnawing pain of conscience" согласно Wordsworth Concise English Dictionary[14]) также compunction ("remorse tinged with pity"-ibid.): "I struck him with no more compunction than if he had been some foul and venomous beast "(A.Conan Doyle), " He assured him that he need have no compunctions on his behalf " (W. S. Maugham). Webster's Third New International Dictionary [15] приводит в качестве одного из определений compunction:"anxiety of spirit arising from consciousness of sin". Все вышесказанное свидетельствует в пользу более христианизированного (возможно, лишь с формальной точки зрения) характера концепта *совесть* в англосаксонском менталитете. Французское *contrition* «раскаяние, сокрушение; угрызания совести» также имеет явственную религиозную подоплеку:"1.Douleur vive et sincère d'avoir offensé Dieu 2.Remords, repentir."(Le Petit Robert [16]).

(7) Во всех трех языках *совесть* может восприниматься как бы с пространственной точки зрения, то есть как нечто, на чем что-то может

находиться и с чего это что-то можно снять: to have sth *on* one's conscience, avoir qch *sur* la conscience, иметь что-л. *на* своей совести, "In this way I am no doubt indirectly responsible for Dr. Grimesby Roylott's death, and I cannot say that it is likely to weigh very heavily upon my conscience." (A. Conan Doyle), «Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть». «Это несчастье – на его совести» [17], «Дело уж прошлое: лишней копейки нет на моей совести.» (А.Ф.Писемский), la main *sur* la conscience, get smth. *off* one's conscience.

(8) Во всех трех лингвокультурах *совесть* – нечто, могущее причинять страдания, боль, мучить. "Every time I let him off my conscience does hurt me so, and every time I hit him my old heart most breaks" (Mark Twain), "Jean was tortured by remorse" (W. S. Maugham). Для описания мук, причиняемых совестью, используются глаголы *мучить*, *терзать*, *грызть*, *загрызть*, *to torture*, *to gnaw*, и т.п.

(9) При всех различиях, концепты *совесть* в англосаксонской и французской лингвокультурах обнаруживают гораздо больше общих черт, чем с концептом *совесть* в русской лингвокультуре, где этот концепт наделен значительным своеобразием. Из рассматриваемых языковых картин мира именно в русской концепт *совесть* наиболее рекуррентен и важен.

Литература

1. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – Oxford University Press, 2007.
2. Diccionario ilustrado de la lengua española Aristos. – La Habana: Editorial Científico Tecnica, 1985
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 2000.
4. Лапатухин, М.С.; Скорлуповская, Е.В.; Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка. – М.: Изд-во Просвещение, 1981.
5. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
6. Гак, В.Г.; Ганшина, К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Изд-во Русский язык, 1994.
7. Апресян, Ю.Д.; Медникова, Э.М. – Новый Большой англо-русский словарь: В 3т. - М.: Изд-во Русский язык, 2000.
8. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners (third edition). – HarperCollins Publishers, 2001.
9. Словарь синонимов русского языка в двух томах (под ред. А.П.Евгеньевой). – Л.: Изд-во Наука, 1970-1971.
10. Conscience. - fr.wikipédia/org/wiki/Conscience.
11. Белов, С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Под ред. академика Д.С.Лихачева. - М.: Изд-во Просвещение, 1985.
12. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Том первый. - Л.-М.: Изд-во Книга, 1928.
13. Моисеева, Л.А. История цивилизаций. - Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2000.
14. Wordsworth Concise English Dictionary. New Edition. – Wordsworth Editions Limited, 2007.
15. Webster's Third New International Dictionary. – Könnemann, Merriam-Webster, Incorporated, 1993.
16. Le Petit Robert. - Les Dictionnaires ROBERT-CANADA, Montréal, Canada, 1991.
17. В.В.Лопатин, Л.Е.Лопатина Русский толковый словарь. – М.: Изд-во Русский язык, 1998.